

стали скульпторы Иван Миско, Александр Финский и архитектор Армен Сардаров. На другой фотографии изображен фасад первого корпуса БГПУ по адресу: г. Минск, ул. Советская, 18, на котором виднеется название университета на белорусском языке – «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка».

Творчество М. Танка – чудесное явление в мире современной европейской литературы. Богатая общественно-культурная и творческая деятельность народного поэта вписали имя Максима Танка золотыми буквами в историю развития литературного процесса республики. Его труды будут пронесены сквозь многие века, а память о поэте останется в сердце каждого белоруса.

Стенд музея БГПУ, посвящённый жизни и творчеству М. Танка, является лишь маленькой частичкой памяти о народном поэте Беларуси. Студентам нашего университета необходимо продолжать изучение богатой общественно-культурной и творческой деятельности поэта. Имя М. Танка, присвоенное нашему университету, обязывает к этому. Нам – танковцам – очень важно сохранять и приумножать память о народном поэте Беларуси, чьё имя навсегда вписано в будущее нашей страны.

Литература

1. Калеснік, У. Максім Танк : нарыс жыцця і творчасці / У. Калеснік. – Мінск : Маст. літ., 1981. – 189 с.
2. Калядка, С. У. Максім Танк : новыя факты, матэрыялы, інтэрпрэтацыі / С. У. Калядка. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 485 с.
3. Мікуліч, М. Максім Танк: На скразнях стагоддзя / М. Мікуліч. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 254 с.
4. Мікуліч, М. У. Талент, заручаны з небам / М. У. Мікуліч. – Мінск : ЛіМ, 2012. – 336 с.
5. Міцкевіч, У. А. Максім Танк у школе / У. А. Міцкевіч. – Мінск : Нар. асвета, 1976. – 160 с.
6. Памяць: Гіст-дакум. хроніка Мядзельскага р-на. – Мінск : Беларус. энцыкл., 1998. – 640 с

Т. В. Ратько (Беларусь)

РАЗВИТИЕ СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Синонимические отношения, представляющие собой часть системных отношений в лексике, являются одним из ярких показателей эволюционной зрелости языка, так как именно лексическая система в целом и синонимический ряд в частности отражают особенности функционирования лексических единиц на определённом этапе развития того или иного языка. Именно лексическая система, будучи наиболее подвижной, в первую очередь реагирует на все изменения в жизни носителей данного языка. Сопоставительный анализ лексико-семантических систем близкородственных языков даёт возможность выявить общие и национально-самобытные черты.

В каждом языке вследствие специфики его исторического развития складывается своеобразная система значений. Если говорить о сопоставительном аспекте, то возможна ситуация, при которой отдельные значения слов одного языка оказываются несопоставимыми со значениями соответствующих слов другого языка. Это может происходить даже с самыми близкородственными языками, какими являются русский и белорусский, принадлежащие к одной ветви славянских языков – восточнославянской. При наличии несоответствий значений соотносительных слов в каждом языке складываются свои синонимические ряды и устанавливаются собственные синонимические отношения в пределах сопоставимых лексических единиц.

В процессе изучения лексического состава как системы можно отметить, что синонимические ряды русского языка во многом отличаются от соответствующих рядов в белорусском языке. Такие различия объясняются особенностями исторического развития двух народов и их языков. На первых порах формирования старорусского и старобелорусского языков основной пласт их лексики составили слова древнерусского (общеюжнославянского) языка. Но влияние древнерусского языка на русский и белорусский языки продолжалось и в последующие эпохи. Именно древнерусский язык послужил лексической базой, на которую наслаивались собственно русские и собственно белорусские новообразования и различные заимствования в сферах культуры, науки, политики, общественной жизни, быта. Бурному росту своеобразия каждого из восточнославянских языков способствовали разные обстоятельства: 1) лексико-семантическое новаторство, возставшее вместе с ростом хозяйства и культуры, протекавшее в каждом языке в значительной степени по-своему, 2) неодинаковое в каждом языке использование церковнославянского источника, 3) неодинаковые процессы иноязычных влияний [6, с. 616].

Известно, что русский язык с древних времён находился в тесном взаимодействии со старославянским (церковнославянским) языком, из которого он заимствовал большое количество книжной лексики и фразеологии; через последний было усвоено немало грецизмов; начиная с XI–XII вв., в русский язык проникали иранизмы, тюркизмы, арабизмы; с XVII–XVIII вв. наблюдается широкий наплыв в русский язык западноевропейских слов. Всё это, а также усиление воздействия на русский литературный язык северных, северо-западных, северо-восточных, юго-восточных и центральных говоров создавало благоприятные условия для обогащения лексической синонимии, для формирования многочисленных словарных гнезд и рядов, объединяющим в своём составе единицы с тонкими, нередко едва заметными семантическими оттенками и стилистическими различиями. Существенную роль в этом процессе сыграла русская классическая художественная литература.

Формирование лексики белорусского языка шло несколько по-иному. В юго-западной части восточнославянской территории на древнерусской (общеюжнославянской) основе, но под значительным западным влиянием, в основном польским, формируется общий украинско-белорусский письменный язык. Образованию этого языка предшествовали исторические события: объединение в Великом княжестве Литовском белорусских и украинских земель. Кроме того, большое значение для возникновения такого языка имела генетическая близость белорусского и украинского языков. В этом своеобразном «сплаве» белорусского и украинского языков значительное место занимала также польская лексика, что тоже объясняется историческими причинами – объединением Польши и Великого княжества Литовского в единое государство. Естественно, такое взаимодействие народов предполагает и взаимодействие языков, тем более родственных. Скорее всего, именно этим взаимодействием объясняется гораздо большее количество полонизмов в лексике старобелорусского языка, чем в лексике старорусского. Вполне вероятно не только одностороннее проникновение польских слов в белорусский, но и обратное явление – проникновение восточнославянской по происхождению лексики в западнославянские языки. Самое интенсивное пополнение старобелорусской лексики заимствованными словами происходило с середины XVI – начала XVII в. Полонизмы проникали в старобелорусский язык на протяжении всего периода образования белорусской народности [2, с. 91].

Таким образом, в развитии старорусского и старобелорусского языков большую роль играли иноязычные заимствования, причём разного характера. Сравним соотносительные синонимические ряды с доминантами *надежда* –

надзея в русском и белорусском языках. В «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского к данному слову приводятся в качестве толкования следующие синонимы: **надежда, надеяніе, упованіе** [5, с. 276–277].

В современном «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой приводится ряд **надежда, чаяние, упование** [4, с. 570]. З. Е. Александрова приводит более обширный синонимический ряд: **надежда, ожидания; чаяния** (*книжн.*); **упование** (*уст. книжн. и высок.*) [1, с. 238]. Не совсем оправдано включение в данный ряд слова **ожидание**. Эта лексема стилистически нейтральна, не имеет никакой экспрессии, не имеет в словаре никаких помет, но синонимом к **надежда** может выступать лишь в определённой речевой ситуации, например: *сбылись ожидания*.

Происхождение большинства слов русского синонимического ряда с доминантой **надежда** – старославянское, лишь корень слова **ожидание** – общеславянский [7, с. 143, 281, 488].

Подход к формированию синонимического ряда, помещённого в «Слоўніку сінонімаў і блізказначных слоў» М. К. Клышкі, вызывает некоторые вопросы: **надзея, спадзяванне, вера, чаканне; спадзяванка, спадзяванак, спадзёўка** (*разм.*); **спадзёўкі** (*разм. мн.*); **стаўка, ілюзія** (*перан.*) [3, с. 50, 189]. В данном лексикографическом справочнике собраны все лексемы, имеющие отношение к **надежда**. Вряд ли уместно относить в синонимический ряд нормативного словаря слова, которые могут быть использованы лишь в бытовой речи или в языке художественной литературы как окказионализмы. Поскольку слова **спадзяванка, спадзяванак, спадзёўкі** принадлежат к разряду речевых синонимов, в данном случае налицо смешение планов языка и речи.

Кроме того, нежелательно в данном синонимическом ряду употребление слов **стаўка, ілюзія** по причине их семантической отдалённости. Не представляется возможным употребление в качестве общезыкового синонима слова, способного вступать в синонимические отношения с доминантой переносно.

Поскольку лексема **ілюзія** имеет значение «призрак», «несбыточная мечта», оно никак не может быть синонимом к **надзея** в системе языка.

Ещё больше сомнений вызывает слово **стаўка**. Ведь даже в переносном смысле оно означает «расчёт на кого-либо или что-либо», то есть не может синонимизироваться со словом **надзея** и в таком виде. Проблематично отнесение в указанный синонимический ряд и лексемы **вера** опять-таки по причине отдалённости семантики, поскольку слово **вера** скорее вступает в синонимические отношения с лексическими единицами **уверенность, убеждение**, но никак не **надежда**.

Таким образом, синонимический ряд с доминантой **надзея** в белорусском языке, на наш взгляд, должен быть таким: **надзея, спадзяванне, чаканне**.

Итак, при сравнении указанных синонимических рядов в русском и белорусском языках обнаруживается, что в русском языке важное место занимают старославянские заимствования, в отличие от белорусского языка, где старославянизмы встречаются крайне редко. В целом же синонимические ряды с доминантой **надежда** в русском и **надзея** в белорусском языках практически не претерпели никаких изменений с древних эпох и до наших дней; особенно это касается русского языка, который в почти неизменном виде сохранил все лексемы этого ряда. Бесспорно, это объясняется наличием старославянских заимствований, перешедших и в современный русский язык.

Литература

1. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М. : Сов. энцикл., 1968. – 600 с.

2. Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / рэд. А. Я. Баханькоў, А. І. Жураўскі, М. Р. Суднік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 339 с.
3. Клышка, М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М. К. Клышка ; пад рэд. Л. А. Антанюк. – 2-е выд., выпр. і дапоўн. – Мінск : Вышэйш. шк., 1993. – 445 с.
4. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. – Т. 1–2.
5. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 4 т. – М. : Книга, 1989. – Т. 2.
6. Филин, Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков : Историко-диалектологический очерк. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 616.
7. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская / Под ред. С. Г. Бархударова. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.

М. С. Ржавуцкая, С. С. Мароз (Беларусь)

ЗМЭНЫ Ё КАНТЭКСЦЕ ПРЫ ПАШЫРЭННІ СТРУКТУРЫ СКАЗА Ё ПЕРАКЛАДЗЕ

Творчасць, у выніку якой твор, напісаны на адной мове, узнаўляецца сродкамі другой мовы, з’яўляецца працэсам мастацкага перакладу. Сапраўдны перакладчык, як вядома, імкнецца захаваць нацыянальныя і індывідуальныя асаблівасці арыгінала, перадаць яго дух, важныя мастацкія кампаненты. «У працэсе перакладу аўтар аперыруе пэўнымі адзінкамі, аналізуе іх з мэтай разумення значэння і знаходжання для іх адпаведнікаў у мове перакладу» [3, с.154]. Міжмоўныя адпаведнікі – моўныя адзінкі арыгінала і перакладу, якія ва ўсіх або ў адным са значэнняў перадаюць «аднолькавы ці адносна аднолькавы аб’ём інфармацыі» [2, с. 65]. Работа перакладчыка можа быць у пэўнай ступені аблегчана роднасцю моў, але такая палёгка ўяўная, таму што не здымае праблемы пошуку адпаведных сродкаў у мове перакладу. У сувязі з гэтым узрастае значэнне кантэксту пры вырашэнні праблемы адпаведнасці арыгінала і перакладу, які ў прынцыпе немагчымы без пэўных трансфармацый, што назіраюцца ў змесце і структуры сказаў і могуць быць аб’ектыўнымі (апраўданымі лінгвістычнымі і экстралінгвістычнымі фактарамі, макракантэкстам і інш.) або суб’ектыўнымі. На матэрыяле твораў Івана Мележа і іх перакладу на рускую мову прааналізуем тыя кантэкстуальныя змены, якія былі выкліканы пашырэннем структуры сказа.

Пашырэнне структуры сказа ў мове перакладу выяўляецца ў выкарыстанні дабаўлення кампанентаў. Прычыны, што выклікаюць неабходнасць дабаўлення ў тэкст перакладу, могуць быць разнастайныя. Адна з іх, на думку даследчыкаў, вызначаецца як фармальная невыўленасць семантычных кампанентаў у выходнай мове. Гэта з’ява трактуецца як «эліпс» тых ці іншых семантычных кампанентаў, што «прысутнічаюць у глыбіннай структуры, пры яе трансфармацыі ў структуру павярхоўную» [1, с. 222]. У літаратуры па тэорыі перакладу называюцца і іншыя прычыны, што абумоўліваюць пашырэнне структуры сказа: адсутнасць пэўнага кампанента ў мове перакладу, адрозненні ў структуры кампанентаў і інш.

Неабходнасць удакладнення, тлумачэння незвычайнай для носьбіта мовы перакладу рэаліі, апісанне невядомай дэталі, з’явы – адна з відавочных прычын пашырэння структуры сказа: Седзячы ў бульбоўніку, ён [Валодзька] цераз завалоку слёз зверавага пазіраў, як яна [маці] ішла да воза («Людзі на балоце»). – Сіды на картофельном поле, он сквозь пелену слёз зверовато посматривал, как она шла к возу (пераклад Н. Кісліка). Калі Яўхіма павялі да покуту, яна [мачыха] бегла побач («Людзі на балоце»). – Когда Евхима повели